

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Чепелева Н.В. Интерпретація як механізм конструювання досвіду особистості.

Анотація. Метою статті є обґрунтування ролі інтерпретації як одного з провідних механізмів конструювання досвіду особистості, що розвивається.

Дискурсивне конструювання досвіду у контексті психолого-герменевтичного підходу визначено як приведення соціокультурної та особистісної інформації в систему, організацію такої інформації у зв'язні структури, що допомагають осягнути її смисл. Визначено, що дискурсивне конструювання досвіду передбачає процес його трансформації з особистого досвіду в особистісний – освоєний, привласнений, осмислений, асимільований, проінтерпретований, тобто вибудований самою особистістю.

Інтерпретація тлумачиться як осмислення тексту, яке призводить до вбачання в повідомленні деякого смислу, відсутнього в самому тексті. Вона є механізмом смислового збагачення тексту, що здійснюється завдяки зануренню у контекст – особистісний, діяльнісний, культурний. Саме він і задає ті чи інші інтерпретаційні рамки (або схеми), котрі, з одного боку, обмежують смисловий простір тексту, дозволяючи відкинути несуттєві смисли, з іншого – розширюють його, збагачуючи новим розумінням змісту повідомлення, сприяючи тим самим породженню, синтезу нових смислів.

Дискурс при цьому тлумачиться як текст в контексті його породження та сприймання. Велику роль у процесі інтерпретації відіграє взаємодія зовнішнього та внутрішнього контекстів, що й уможливорює синтез нового смислу, який і забезпечує дискурсивне конструювання досвіду особистості.

Показано, що однією з умов інтерпретації особистого досвіду та трансформації його в досвід особистісний є сформованість у людини основних метакогніцій – рефлексії, децентрації, інтелектуального ініціювання та стратегічності інтелекту.

Ключові слова: конструювання досвіду, інтерпретація, контекст, дискурс, смисл, інтерпретаційна схема, метакогніції.

Chepeleva N.V. Interpretation as a mechanism of personality experience constructing.

Abstract. The aim of the article is to substantiate the role of interpretation as one of the leading mechanisms of a developing personality experience constructing.

Discursive experience constructing in the context of the psychological and hermeneutic approach is defined as the bringing of socio-cultural and personal information into the system, the organization of such information into coherent structures that help to understand its sense. It is determined that the discursive experience constructing involves the process of its transformation from personal experience to personality experience - mastered, appropriated, understood, assimilated, interpreted, that is built by the personality.

Interpretation is defined as the comprehension of the text, which leads to seeing in the message some sense that is missing in the text itself. It is a mechanism of semantic enrichment of the text, which is carried out by the immersion in the context of personality, activity, culture. It sets certain interpretive frameworks (or schemes), which, on the one hand, limit the semantic space of the text, allowing to reject irrelevant meanings, on the other – expand it, enriching it with a new understanding of the message, thus contributing to the generation of new senses.

The discourse is interpreted as a text in the context of its generation and perception. The interaction of external and internal contexts plays an important role in the interpretation process, which enables the synthesis of a new sense, which provides a discursive construction of personality experience.

It is shown that one of the conditions of the personal experience interpretation and its transformation into personality experience is the formation of a person basic metacognitions – reflection, decentration, intellectual initiation and strategic intellect.

Key words: experience constructing, interpretation, context, discourse, sense, interpretivescheme, metacognitions.

Актуальность. Анализ ведущих тенденций современной культуры показал, что ускорение изменений, происходящих в современном обществе, резкое возрастание потока ситуаций,

обрушивающихся на современного человека, постоянное возникновение непредвиденных кризисных ситуаций ведут к возникновению нестабильной ментальной модели мира. Это связано, прежде всего, с трудностями осмысления нескончаемого потока информации, приходящей из социальной среды, невозможностью ее адекватной интерпретации и выстраивания на этой основе собственного жизненного и личностного опыта как основы развития личности.

Такая ситуация часто способствует бездумному «проглатыванию» непроинтерпретированной, неосмысленной информации, что, в свою очередь, приводит к тому, что человек становится беззащитным перед манипуляциями, поскольку ему недостает собственной семиотической базы, позволяющей включать смысловые процессы восприятия информации. Преодоление указанной тенденции возможно путем развития у человека ответственного авторского отношения к себе и собственной жизни. Одним из путей такого развития является герменевтическое воспитание, предполагающее формирование у личности способности к конструированию собственного опыта с помощью дискурсивных средств как необходимого условия авторского участия в поддержании и укреплении собственной целостности, поиска новой системообразующей основы собственного развития.

Цель статьи. Показать роль интерпретации как одного из ведущих механизмов конструирования опыта развивающейся личности.

Постановка проблемы. В рамках постнеклассического методологического подхода конструирование опыта мы рассматриваем как одну из предпосылок развития личности. Конструирование опыта можно трактовать как приведение социокультурной и личной информации в систему, организацию такой информации в связные структуры, помогающие постичь ее смысл. Социокультурный мир при этом выступает как мир значений, транслируемых культурой и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни. Именно означивание реальности, то есть замещение ее определенными культурно заданными схемами (дискурсами) позволяет не только обдумывать, осмыслять происходящее, анализировать и переживать те или иные события, но и упорядочивать их, творя для себя новую реальность, новый опыт. Это дает основание говорить, что одним из ведущих путей развития личности является погружение ее в дискурсивное культурное пространство [10].

Таким образом, мы исходим из представления о языке как средстве конструирования реальности, особенно реальности личного опыта, при этом, фиксируя внимание на том, что наш язык конституирует наш внутренний мир и наши убеждения, а личный опыт получает значение только через специфические лингвистические, исторические и социальные структуры. Именно в языке сообщества конструируют собственное видение мира, а каждый раз, когда мы говорим, мы создаем реальность [14].

При этом в процессе конструирования опыта осуществляется процесс его трансформации из личного в личностный [10] – освоенный, осмысленный, ассимилированный и, прежде всего, проинтерпретированный, т.е. выстроенный самой личностью. Как отмечает, Е.О. Труфанова, «когда мы говорим о конструкции, мы говорим о чем-то, что: а) состоит из отдельных частей, составленных вместе согласно некоей логике; б) конструируется, т.е. создается, не обладает изначально присущим бытием, но становится, возникает в результате деятельности конструирующего субъекта или субъектов» [13, с.17].

При этом нужно обратить внимание, что течение обыденного опыта личности определяется последовательностью ситуаций, для действия в которых у нее есть готовые схемы интерпретации, сценарии, способы поведения. Когда человек оказывается в какой-нибудь привычной ситуации, он привносит в нее свое, отложившееся в опыте понимание ситуации. Это понимание, как правило, соответствует уже сложившимся представлениям о типичной ситуации и о сценариях действия в ней. Таким образом, ситуация является как бы навязанной человеку в своей типике, что предполагает использование уже имеющихся в наличии схем толкования, сценариев действия и «традиционных», типичных решений проблемы. Многие из таких типичных ситуаций заданы социумом и культурой через дискурсы культуры. Кроме того, заданность ситуации определяется и ближайшим социальным окружением человека, в частности, теми групповыми, семейными и т.п. мифами, историями, в которых также отражены типичные схемы реагирования на ситуацию.

В ситуации неопределенности, т.е. внезапно возникшей непредвиденной ситуации, особенно если она является травматичной, критической, смысловая система распадается – возникает какофония (смысловой хаос). В этом случае возможны два пути. Первый – человек сваливается в хаос, смысловая система и, соответственно опыт,

«взрываются», распадаются. Один из способов выхода из такого хаоса, как отмечает Д. Леонтьев, – это вариант упрощения мира: я не справляюсь с таким сложным миром, поэтому я его упрощу. Этот мир для меня будет прост, я его сведу к двум-трем базовым измерениям, я буду реагировать самым простым, элементарным образом: я буду слушать старших, буду следовать тому, что говорит мамочка, старший по званию или священные книги, я не буду морочиться, все слишком сложно, отстаньте, я хочу жить проще. [9].

Другой способ упорядочивания хаоса, по мнению Д.А. Леонтьева, – пытаться самому усложняться, то есть повышать внутреннюю организацию, развивать новое понимание, выстраивать новую структуру: структуру мира, структуру объяснения собственного поведения, структуру управления собой и своей жизнью, пытаюсь угнаться за сложностью мира. Этот путь безнадежен, мы никогда не сможем угнаться за усложнением мира, но только он ведет нас по продуктивной траектории развития. Сложность пугает, если воспринимать ее как нечто патологическое и ненормальное, но понимание того, что сложность — это продуктивная вещь и ценный ресурс, позволяет пересмотреть отношение к ней [9].

С нашей точки зрения, единственным продуктивным путем реагирования на действия в изменяющихся обстоятельствах является включение интерпретационных процессов при условии, что мы не боимся сложности, или располагаем достаточно широким смысловым фундаментом. При этом бывает важно отказаться от старого опыта, но таким образом, чтобы не повредить базовые смыслы – иначе личность разрушится. Тут можно провести аналогию с растением – полезно отрезать засохшие ветки, но нельзя избавляться от живых – иначе растение может погибнуть. Это же касается корневой (смысловой) системы – ее повреждение может привести к гибели растения.

Конструирование опыта базируется на событиях, которые только тогда становятся осмысленными и целостными, когда они проинтерпретированы и осмыслены. В противном случае событие «зависает», становясь отколовшимся фрагментом опыта, который, не будучи переведен в опыт личностный, не будучи интегрирован, выступает в качестве «больной мозоли», осложняющей человеку жизнь. При этом, вслед за В.М. Розиним, мы рассматриваем событие как происшествие зафиксированное, означенное, т.е. приведенное в форму, позволяющую поведать о нем другому [11]. В противном случае события не будет. Иными словами, происшествие, о котором никто не

узнал, т.е. о котором никому не рассказано (хотя бы самому себе) событием не является.

Отсюда можно сделать вывод, что личностный опыт, в отличие от личного, зарождающегося в жизненных ситуациях и опирающегося на внешние события, имеет коммуникативно-семиотическую природу, выражающуюся в текстуальной структуре, которая или накладывается на реальность, являясь ее отражением, или же творится вместе с этой реальностью, сливаясь с нею. Последний взгляд характерен для постмодернизма, который не различает реальность и текст, считая, что любая человеческая (культурно обусловленная) реальность носит текстуальный характер.

Именно в контексте личностного опыта как результата интерпретации ситуаций можно говорить о неразличимости смысла и опыта, как это делает Уайт. Он отмечает, что выражения опыта, переживания мира или жизни, есть акты интерпретации (через язык), посредством которых люди придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и других. При этом качество выражения опыта зависит от того, насколько людям доступны интерпретационные ресурсы, способные обеспечить так называемые «рамки понятности», нечто, что связывает и согласовывает события жизни [4].

Итак, формируясь во взаимодействии человека с миром, личностный опыт представляет собой организованную и целостную структуру, исходный материал для конструирования которой составляют жизненные события. Его можно рассматривать как осмысление и упорядочивание событий, происходящих с нами, зарождающихся в тех или иных жизненных, обыденных и т.п. ситуациях, которые, будучи означены, осмыслены и проинтерпретированы, преобразуются в опыт личности.

Результаты теоретического анализа проблемы. Мы исходим из того, что интерпретация является ведущим механизмом конструирования опыта личности. Прежде всего, отметим, что мы опираемся на подходы, рассматривающие интерпретацию как «искусство конструирования» [2]. Цель интерпретации, как отмечает В.З. Демьянков, в восстановлении утраченной и/или в поддержании имеющейся гармонии внутреннего мира интерпретатора и устранении когнитивного диссонанса. С точки зрения Дж. Джерджена, конструирование определяется процессами, «с помощью которых люди описывают, интерпретируют или каким-либо иным образом делают для себя понятным этот мир (включая их самих), где они живут» [3, с. 62].

Рассмотрим подробнее предлагаемое нами толкование интерпретации в русле постнеклассического герменевтического подхода.

Интерпретация рассматривается нами как осмысление текста, «набрасывание смысла на текст» (Х.-Г. Гадамер), приводящее к усмотрению в сообщении некоторого смысла, отсутствующего в самом тексте. Личность в процессе интерпретации строит собственный «встречный текст», базирующийся на смысловой основе исходного сообщения, однако дополняет ее собственным осмыслением излагаемой в тексте информации. Таким образом, интерпретация является механизмом смыслового обогащения текста, осуществляемого благодаря погружению в контекст – личностный, деятельностный, культурный. Именно он задает те или иные интерпретационные рамки (или схемы), которые, с одной стороны, ограничивают смысловое пространство текста, позволяя отбросить несущественные смыслы, с другого – расширяют его, обогащая новым пониманием содержания сообщения, способствуя тем самым порождению, синтезу новых смыслов.

Такое дополнение, привнесение собственного смысла в текст зависит от информированности личности в предметной области, освещаемой в тексте (близкое знакомство с родственными контекстами), широкой общекультурной подготовки (знакомство с далекими контекстами), его ценностей, установок и отношений. Взаимодействие этих компонентов и создает те интерпретационные рамки (или схемы), наложение которых на исходное сообщение приводит к различным его толкованиям.

При этом, нередко встречаются ситуации, при которых у человека возникают проблемы с освоением как смысла социокультурных сообщений, так и собственных внутренних, не всегда осознаваемых смыслов. Возникает это, прежде всего, потому, что текст имеет потенциальную множественность смыслов, которая, в свою очередь, обусловлена его контекстуальным богатством. Последнее подразумевает наличие в тексте достаточно большого количества смысловых слоев, каждый из которых отсылает личность к соответствующему контексту.

Таким образом, именно контекст задает те интерпретационные рамки, которые, с одной стороны, ограничивают смысловое пространство текста, позволяя отбросить несущественные смыслы, с другой – расширяют его, обогащая новым пониманием содержания

сообщения собеседника. Как отмечает М.Д. Макаров, интерпретационные схемы позволяют формировать интенции и мысли, направлять действия людей. Позволяя осмысливать ситуацию, они способствуют выработке альтернативных способов осуществления этих действий и реализации интенций [8]. Такими интерпретационными схемами могут быть имеющиеся в культуре образцы, присвоенные субъектом и включенные в его смысловую сферу, а также знания, опыт взаимодействия с другими текстами и т.п.

Здесь мы опираемся на понятие схемы, предложенной В. Розиним, который под схемой понимал средство организации деятельности и понимания, выявления новой реальности. Как отмечает В. Розин, схемы, как и знаки, означают некую предметную область, но эта их функция не главная, а подчиненная. Более важны две другие функции: организация деятельности и понимания; выявление новой реальности. Здесь нет исходной объектной области, которая означается. Напротив, создается новая объектная и предметная область [11]. По нашему мнению, наиболее распространенными в культуре видами таких схем являются концепции, нарративы и мифы, т.е. дискурсивные образования.

В этом же кругу понятий лежит и понятие фрейма, предложенное Гофманом для объяснения того, как человек воспринимает, осмысляет и организует свой повседневный опыт. Под фреймом И. Гофман понимает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности. И хотя сам автор определяет фрейм как процедурное знание, т.е. знание того, как и в какой последовательности следует действовать, на самом деле анализ его текстов показывает, что фрейм – это, прежде всего, схема интерпретации, накладываемая человеком на того или иное событие его повседневной жизни.

Причем, по мнению Гофмана, у человека существует одна или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые он называет первичным. Первичные системы фреймов различаются по степени организации. Некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему учреждений, постулатов и правил, другие – их большинство – не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования. По мнению

Гофмана, человек не осознает внутреннюю структуру фреймов и, если его спросить, вряд ли сможет описать ее с большей или меньшей полнотой, что не мешает ему пользоваться фреймами без каких-либо ограничений [1].

Таким образом, базисные культурные сценарии, культурные образцы задают схему интерпретации личностью окружающего мира и своего личного опыта. Причем, по мере включения этих схем во внутренние структуры личности, они становятся схемами ориентации и самовыражения человека в мире. Первой культурно заданной схемой самовыражения является язык. Однако он должен обрасти частными схемами, встроиться в них, послужить материалом для формирования личных дискурсов и концепций для того, чтобы обеспечить возможность интерпретации реальности и ориентации в ней. При этом под реальностью мы понимаем не только внешний мир, и реальность внутреннего опыта (психическую реальность), ориентация в которой является важнейшим условием формирования личной идентичности, а также саморазвития человека, его становления как личности. При этом культура предоставляет личности модели для осмысления реальности, опираясь на которые человек создает частные схемы и сценарии самоорганизации психики [11].

Причем ведущую роль в этом процессе играет язык, который Шюц и Лукман предлагают рассматривать как седиментацию типичных схем опыта, которые в определенном обществе являются типично релевантными [15]. Однако, по нашему мнению, точнее было бы сказать об особых языковых конструкциях – дискурсах, которые освобождают отдельного индивида от самостоятельного создания типов. Именно благодаря дискурсу мир оказывается для индивида заранее типизированным. Хотя по мере развития личности, вхождения ее в социум все более расширяется возможность самостоятельного конституирования типов, но и тут дискурсивные структуры играют определяющую роль, поскольку стабилизируют созданные типы, обеспечивают вложение их в дискурсивные паттерны.

Отметим также, что дискурс мы рассматриваем как текст в контексте его порождения и восприятия. По мнению В.М. Розина, дискурсы – это индивидуальные условия социализации и развития человека и все его психические и культурные качества сформированы и конституированы в определенных дискурсах [12]. Как отмечает Р. Харре, большинство значимых психологических событий связаны с внутренним дискурсом или разговором. Люди разговаривают сами с

собой, принимая решения, пытаюсь запомнить события и оценивая точность своих воспоминаний, рассуждая о предстоящих действиях или описывая эпизоды из собственной жизни. Значит, заключает автор, при изучении психического функционирования дискурс становится основополагающей единицей анализа (цит. по [6]). При этом не стоит забывать, что мы живем в дискурсивном мире. Все наше социокультурное окружение, а также личный опыт состоят из дискурсов, погружаясь в которые мы учимся осмыслять своей жизненный опыт, черпаем из него схемы интерпретации, превращая их по мере вхождения в социум в приватные схемы интерпретации, в личные Я-тексты.

Поэтому интерпретационные схемы как своеобразная «контекстуальная оболочка» и обеспечивают конструирование опыта личности и объективацию его в дискурсивные структуры. Нами были выделены следующие виды интерпретационных схем:

- * смысловые, включающие, прежде всего, личностные смыслы, т.е. мотивированное отношение к значению, форму включения значения в структуру сознания личности;

- * культурные, использующие имеющиеся в культуре образцы;

- * когнитивные, включающие концептуальные схемы, знания и представления субъекта.

Таким образом, интерпретационные схемы являются, по сути, теми рамками, которые ограничивают личный контекст субъекта и задают границы «встречного текста», т.е. текста, который он строит, опираясь на свои знания, смыслы, наличные в культуре образцы, собственный опыт. Характерное для семиотики толкование текста как средства интерпретации реальности, а также других произведений может быть, по нашему мнению, применено и в психологических исследованиях, хотя корректнее было бы говорить именно о дискурсах как о средстве взаимодействия текста и контекста.

В реальных условиях взаимодействия с текстом интерпретация может не осознаваться. Это приводит к стихийному выбору интерпретационных схем, которые, особенно в случае одновременного применения нескольких схем, могут даже привести к «смысловому хаосу», создавая у человека не целостное представление о воспринимаемом сообщении, а некоторую «мозаику смыслов», каждый из элементов которой отражает преломление текстового материала через собственный «интерпретационный фокус».

Неотрефлексированное применение интерпретационных схем может привести и к псевдоинтерпретации, т.е. к бездумному, механическому наложению на текст готовых стереотипов, шаблонов, действующих на уровне значений, не касаясь глубинных смысловых пластов текста. Такая интерпретация, не предполагающая глубокого осмысления текста, взаимодействия смысловых позиций, заложенных в тексте, определяется нами как квазиинтерпретация. Она не имеет ничего общего с действительно смысловой интерпретацией и ведет к возникновению псевдосмыслов.

Кроме того, в процессе взаимодействия с текстом могут актуализироваться не один, а несколько контекстов личности (внешних, социокультурных или внутренних, собственно личностных). При этом многое зависит от концентрации (плотности контекста в зависимости от типа ситуации, в которой оказывается личность). В обыденной ситуации контекст «разрыхляется», являясь привычным, не требующим особой интерпретации. В ситуациях неопределенности, к которым относятся большинство кризисных, травмирующих, непривычных и т.п. ситуаций, внутренний контекст уплотняется, становится более концентрированным в связи с нарушением продуктивного взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов. В результате возникает более сложная смысловая конструкция, что трансформирует линейный дискурс (как правило, нарратив) в текст «мерцающий», высвечивающий тот или иной событийный контекст. В этом случае возможно столкновение двух и более интерпретационных схем, что приводит к порождению у человека конфликта интерпретаций, что, в свою очередь, может существенно осложнить процесс конструирования опыта.

Условием успешного разрешения такого конфликта является диалог, осуществляемый, как правило, в виде диалогических реакций, важнейшей из которых есть вопросно-ответная процедура. Диалог позволяет запустить процессы смыслообразования, рефлексии, что способствует не только прояснению смысла воспринимаемого текста, но и порождению, синтезу нового смысла, возникающего как результат диалогического взаимодействия текста и контекста. Именно диалог, базируется на установлении связей с контекстами, т.е. помещает высказывания в новый контекст, ограниченный интерпретационными рамками, который этот контекст «высвечивает». В свою очередь, контекстуальное богатство текста и определяет присущую большинству из них потенциальную множественность смыслов. Сумму контекстов, в

которой данный текст становится осмысленным и которые определенным образом могут быть как бы инкорпорированы в нем, Лотман называл памятью текста [7].

Отметим также, что одним из ведущих условий интерпретации личного опыта и конструирования на ее основе опыта личностного является наличие у человека развитой способности к интерпретации – внешних событий, социокультурных текстов, собственных мнений, представлений, концептов, высказываний других и т.п. По нашему мнению, такая способность в большой степени обеспечивается сформированностью у субъекта основных метакогниций, к которым мы, опираясь на М.Л. Смутьсон, относим рефлексивность, децентрацию, интеллектуальную инициацию и стратегичность. Обусловлено это тем, что в процессе конструирования опыта и, соответственно интерпретации, одну из ведущих ролей играет интеллект, который, по мнению М.Л. Смутьсон, является целостным (интегральным) психическим образованием, отвечающим за порождение, конструирование и трансформацию ментальных моделей мира путем постановки и решения задач [5]. Отметим, что ментальная модель мира и является конструкцией, отражающей в большой степени личностный опыт субъекта. В свою очередь, конструирование опыта во многом является задачей, стоящей перед личностью, направленной на саморазвитие и самоконструирование.

В то же время, для запуска интерпретационных процессов, являющихся, как уже отмечалось, в большой степени интеллектуальными, необходима трансформация встающей перед личностью проблемы в задачу, требующую своего решения. Это обеспечивается процессом интеллектуальной инициации, соответствующий самостоятельной постановке задачи, в том числе задачи саморазвития и самопроектирования. После этого подключаются рефлексивные процессы, являющиеся необходимым условием любого процесса интерпретации (естественно, за исключением квазиинтерпретации). Стратегичность, в свою очередь, предполагает адекватность выбора в процессе интерпретации личностного и социокультурного опыта, принятие решения и реализации его в разнообразных жизненных ситуациях. Для разрешения конфликтов интерпретации, о которых речь шла выше, принципиальное значение приобретает интеллектуальная децентрация как умение увидеть проблему с разных сторон, соотнести имеющиеся интерпретационные схемы и прийти к окончательному решению относительно

интерпретации тех или иных ситуаций, трансформации их в события и, как следствие, конструирования собственного опыта.

Выводы.

Основной характеристикой дискурсивного конструирования опыта является его смысловая интеграция, которая, ведет к порождению новых смыслов и, как правило, обеспечивается интерпретационными процессами.

Конструирование опыта является творческим процессом, представляющим собой смысловую интеграцию отдельных блоков (событий) в целостный дискурс, объективированных в виде интерпретационных рамок (схем).

Интерпретация как один из ведущих механизмов конструирования опыта развивающейся личности предполагает порождение новых смыслов путем диалогического взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов, а также использования имеющихся у личности интерпретационных схем.

Интерпретация во многом обеспечивается интеллектуальными процессами, поскольку может трактоваться как процесс постановки задач саморазвития и самопроектирования, а способность ее осуществлять в большой степени зависит от уровня развития основных интеллектуальных метакогниций личности.

Литература

- 1.Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Москва : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- 2.Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1989. 172 с.
- 3.Джерджен Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии. *Социальная психология: саморефлексия маргинальности : Хрестоматия*. Москва : ИНИОН РАН, 1995. С.51–73.
- 4.Жорняк Е. Нарративная психотерапия: от дебатов к диалогу. *Московский психотерапевтический журнал*. 2001. № 3. С. 95–124.
- 5.Интеллектуальний розвиток дорослих у віртуальному освітньому просторі : монографія / за ред. М. Л. Смульсон. Київ : Педагогічна думка, 2015. 221 с. URL: <http://lib.iitta.gov.ua/10064/>. (дата звернення 7.09.2020).

- 6.Капра Дж., Сервон Д. Психология личности. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 640 с.
- 7.Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской литературы, 1999. 464 с.
- 8.Макаров М.Д. Основы теории дискурса. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- 9.Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен. / под общ. ред. Александра Асмолова. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. 546 с.
- 10.Проблемы психологической герменевтики / под ред. Чепелевой Н.В. Киев : НПУ имени М.П. Драгоманова, 2009. 382 с.
- 11.Розин В. М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры. *Человек как субъект культуры*. Москва : Наука, 2002. С. 42–112.
- 12.Розин В. М. Личность и ее изучение. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
- 13.Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
- 14.Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. Москва : Класс, 2001. 362 с.
- 15.Щюц А., Лукман Т. Структури життєсвіту. Київ : Центр духовної культури, 2004. 560 с.

References

- 1.Goffman,E. (2003). Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyita [Frames analysis: An Essay on Organizing Everyday Experience]. Moscow :Institute of Sociology RAS. [in Russian]
2. Demyankov,V.Z. (1989). Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty i ih modelirovaniya na EVM [Interpretation, understanding and linguistic aspects of their modeling on a computer]. Moscow: Moscow University Publishing House. [in Russian]
3. Gergen,J. (1995). Dvizhenie sotsialnogo konstruksionizma v sovremennoy psihologii [The social construction is mprogressi on in modern psychology]. In *Dvizhenie sotsialnogo konstruksioizma v sovremennoy psihologii – Social psychology: self-reflection of marginality* (pp.51–73). Moscow :INION RAN. [in Russian]
4. Zhornyak,E. (2001).Narrativnaya psihoterapiya: ot debatov k dialogu [Narrative psychotherapy: from debate to dialogue]. *Moskovskiy psihoterapevticheskiy zhurnal*. 3. 95–124. [in Russian]
5. Smulson M.L (Ed.) Intelektualniy rozvytok doroslyh u virtualnomu

- osvitnomu prostori :monografiya [Intellectual development of adults in the virtual educational space: a monograph] (2015). Kyiv : Pedagogical thought. Retrieved from: <http://lib.iitta.gov.ua/10064/>[in Ukrainian]
6. Caprara, J.,&Servon, D. (2003). Psikhologiya lichnosti [Psychology of personality]. St. Petersburg: Piter. [in Russian]
  7. Lotman, Yu.M. (1999). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside thinking worlds. Human – text –semiosphere – history]. Moscow : "Languages of Russian literature" Publ. [in Russian]
  8. Makarov, M.D. (2003). Osnovy teorii diskursa [Foundations of the theory of discourse]. Moscow : Gnozis. [in Russian]
  9. Mobilis in mobili: lichnost v epohu peremen [Mobilis in mobili: personality in a change era] (2018). (A. Asmolov, Ed.). Moscow : JSK Publ. [in Russian]
  10. Problemy i psichologicheskoy germeneytiki [Problems of psychological hermeneutics] (2009). (N.V Chepeleva, Ed.). Kyiv : M. Dragomanov National Pedagogical University Publ. [in Russian]
  11. Rozin, V. M. (2002). Lichnost kak uchreditel i menedzher «sebya» is ub'ekt kulturyi [Personality as a founder and manager of "oneself" and a culture subject]. In *Chelovek kak sub"yekt kul'tury–Man as a subject of culture* (pp.42–112). Moscow : Nauka.[in Russian]
  12. Rozin, V. M. (2004). Lichnost i ee izuchenie [Personality and its study]. Moscow: Editorial URSS. [in Russian]
  13. Trufanova, E.O. (2018). Sub'ekt i poznanie v mire sotsialnykh konstruktsiy [Subject and cognition in the social constructions world]. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation".[in Russian]
  14. Friedman, D., & Combs, D. (2001). Konstruirovaniye inyykh realnostey. Istorii i rasskazyi kak terapiya. [Construction of other realities. Histories and stories as therapy]. Moscow: Class.[in Russian]
  15. Schutz, A., & Lukman, T. (2004). Strukturi zhyttestvitu [Structures of the life world]. Kyiv : Center for Spiritual Culture. [in Ukrainian]

Актуальні проблеми психології Т.2. Вип. 12. 2020. ISSN 2072-4772